

БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ ОТЕЧЕСТВА

Заметки участника обороны Ленинграда в 1941–1944 гг.

Патриотизм есть любовь к благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях.

Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его.

Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости

Пётр Лебедев,
профессор
факультета
педагогике и
психологии МПГУ

Н.М. Карамзин, слова которого мы приводим в эпиграфе статьи, не сводил патриотизм лишь к чувству любви к Родине, привязанности к месту рождения или людям, с которыми мы вместе росли, воспитывались и живём. Для него патриотизм — это «великая добродетель», она обнимает всего человека, выражает **разумно-деятельную** сущность его жизни. И самое главное — счастье человека неотделимо от счастья Отечества, его славы. Если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и «гражданину называться сыном презренного отечества»¹.

Я напомнил эти верные мысли отечественного историка и писателя потому, что в наше время от частого употребления слово «патриотизм» оскудело, лишилось своего первоначального смысла — стало политическим знаком.

В этом небольшом очерке я коснусь лишь той разумно-деятельной частички обширного поля патриотического воспитания, которая связана с военно-патриотическим воспитанием юношества в школе.

...Моя фронтовая служба сложилась так, что в конце августа 1941 года наш пушечный полк оказался в полосе жесточайших боёв в ближайших пригородах Ленинграда. Наш наблюдательный артиллерийский пункт некоторое время находился на башне мясокombината имени С.М. Кирова. Немецкие снаряды изрешетили её сверху донизу. Лестница была почти разрушена. Приходилось по верёвочной лестнице забираться на самый верх башни, где пряталась за стеной стереотруба и дежурили при ней наблюдатель-артиллерист и связист.

В середине сентября 1941 года ранним утром позвонил мне командир батареи и сказал, что, возможно, на наблюдательный пункт поднимется «хозяин» и что надо сказать ему всё, без утайки, о полосе наблюдения от Стрельны и Лигова до северной окраины пригородного Пушкина. Здесь проходили рубежи 42-й армии И. Федюнинского. Я не мог догадаться, кто скрывался под кличкой «хозяин»: командир дивизиона, полка, начальник артиллерии армии? Выше этого моя догадка не шла. Через несколько минут с внутренней стороны здания в проходе у верёвочной лестницы показались двое: один в плащнакидке, другой — в защитной телогрейке. По околышам фуражек смекнул, что оба — не артиллеристы, а по властному резкому тону главного — что это высокий начальник. Он отодвинул меня плечом от стереотрубы и стал задавать короткие вопросы. Немцы успели поставить вдоль дорог маскировочные заборы, скрывавшие движение транспорта, военной техники и людей в сторону Петергофа, Стрельны, Лигова, захваченных врагом. Причём ещё накануне этого забора не было. Я доложил об этом. «Хозяин» записывал что-то в свою карманную книжечку, внимательно глядя в стереотрубу и расспрашивая меня жёстко и требовательно. Через несколько минут он выпрямился, холодно посмотрел мне в глаза и резко бросил: «Фамилия?» Я назвал по-уставному, полностью. Тогда он приложил свою ладонь к козырьку фуражки, — я ответил тем же, — и вместе с сопровождающим покинул наблюдательный пункт. Связист после ухода гостей вопросительно посмотрел на меня, я пожал плечами. Имя «хозяина» тогда так и осталось тайной для нас. Это случилось в самые трудные и опасные для великого города дни, в середине сентября 1941 года.

1

Карамзин Н.М.
О любви к Отечеству
и народной гордости
// Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М.: Педагогика, 1987.

Немцы обычно ранними утрами редко пускали в ход свои пушки. И внезапный визит военачальника пришёлся как раз на артиллерийское затишье. Но уже через самое короткое время после отъезда от нас броневичка и «эмки», размалёванных под жёлто-зелёные цвета ранней осени, неприятель открыл бешеную пальбу из пушек и пулемётов, а в небе появились немецкие самолёты. Наступал очередной день битвы за Пулковскую высоту...

Досталось в который раз и нашей башне. Каждое попадание снаряда, казалось нам, свалит её. Однако башня выдерживала десятки разрывов, не разваливалась. Но сегодня нам было приказано спуститься в подвал. Я не успел: меня оглушил взрыв. Дальше ничего не помню. Очнулся на госпитальной койке...

Спустя месяц мне попала в руки газета «Ленинградская правда» и на первой полосе среди военачальников на снимке я заметил лицо, напомнившее облик «хозяина». Это был генерал-полковник Г.К. Жуков. До этого я никогда не видел фотографий Жукова, но в сентябре 1941 г. он командовал Ленинградским фронтом, и, вероятней всего, на верху башни был тогда всё-таки он.

При выписке из военного госпиталя весной 1942 года медкомиссия признала меня не пригодным к строевой службе. На руках что-то вроде белого билета. Куда теперь? В Москву к родителям? Из блокадного Ленинграда не вдруг туда попадёшь, да и сил после контузии едва хватает, чтобы пройти несколько шагов. Задремал в уголке прихожей госпиталя. Вдруг кто-то тронул моё плечо. Это был низкорослый щупленький военный со шпалой и скрещёнными молоточками в петлицах шинели.

— Лебедев? Артиллерист? — спросил инженер-капитан.

— Да.

Он сел рядом и развернул папку. В ней было моё личное дело.

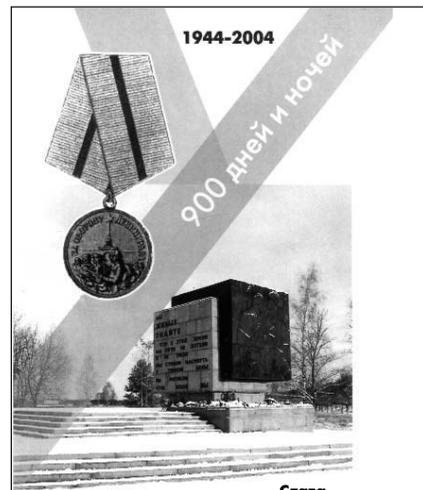
— Пойдёшь на завод моим помощником?

Я ответил, что на заводе никогда не работал, что в Красную армию пришёл со

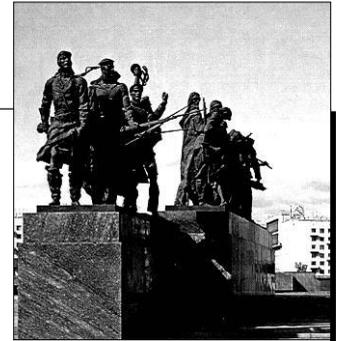
школьной скамьи, после окончания десятилетки.

— Этого вполне достаточно при твоей артиллерийской выучке.

Деваться мне было всё равно некуда в моём положении и почти

Слава
ветеранам - блокадникам
и воинам - защитникам!

ЛЕБЕДЕВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

*У*важаемый
Петр Александрович!

60-я годовщина полного снятия блокады Ленинграда - святой праздник для всех россиян. 900 блокадных дней - это тяжкая боль и великая слава нашего Отечества. Это беспримерный подвиг защитников великого города и всех ленинградцев, чье мужество и стойкость не сломили тяжелейшие жертвы и лишения. Ваш героизм, воля к жизни и вера в Победу заслужили вечную благодарность народа России. Примите мои самые сердечные пожелания - здоровья и благополучия Вам и Вашим близким.

Президент
Российской Федерации

В.В. Путин

Поздравление П.А. Лебедева Президентом страны. Январь 2004 г.

полной физической немощи, и я согласился. Он назвался: Михаил Борисович Цекин. А потом помог мне подняться и, поддерживая под локоть, вывел из госпиталя, открыл дверцу закамуфлированной «эмки» и усадил на заднее сиденье. Я тотчас задремал. Очнулся в полуподвальном помещении. Сверху из-под потолка светилось узенькое

«Гвардии «катюша»

У другой стены — печурка-буржуйка. Она топилась. В этой тёплой камерке мне стало так хорошо, что я не смог утаить своей радости и сказал: «Как тепло и уютно здесь!»

Михаил Борисович улыбнулся и достал из тумбочки два гранёных стакана, поставил на буржуйку котелок с водой. Из пакетика вынул два крохотных тёмно-коричневых кубика и положил по одному в стаканы, а потом залил их кипятком.

— Ну, что же, пообедаем. — И, размешав в стакане коричневатую жидкость, подал мне: «Это мясной бульон. Большой деликатес. Только по особому случаю готовлю». Чёрный сухарик дополнил наш обед «по особому случаю».

Я еле-еле сидел на табуретке. И военпред уложил меня на нижние нары. Я тотчас уснул.

Проснулся я от грохота. Неприятель обстреливал завод. Снаряды с оглушительным сухим треском, как-то рассыпью, рвали стены цехов. Михаил Борисович сидел у тумбочки, на которой горела коптилка. Пламя её при взрывах снарядов почти гасло. Он что-то писал на большом листе.

Обернулся: «А, разбудили фрицы... Через 30 минут перенесут обстрел на другие объекты, а пока, если сможешь, присаживайся поближе. Расскажу, как будем жить завтра».

Две недели почти полного безделья и питания «мясными кубиками» более или менее поставили меня на ноги. Вместе с военпредом я побывал в секретном цехе № 19. Он познакомил меня с рабочими и сказал им, чем я буду заниматься, когда совсем приду в себя.

продолговатое окошко. У кирпичной стены стояли двухэтажные деревянные нары, покрытые серыми байковыми одеялами.

К лету 1942 года в этот цех стали прибывать грузовые автомашины без кузовов. Это были трёхоски ЗИС-6 и двухоски ЗИС-5. Сварщики после изготовления особых ферм с восемью направляющими спарками закрепляли их на шасси этих машин. Кабину сверху и спереди защищал бронещит. В кабине справа монтировался пульт управления огнём, от него к щелочным аккумуляторам и к спаркам шли электропровода. И всё, что касалось монтажа и проверки электрооборудования, стало моим делом, может, и не очень сложным, но чрезвычайно ответственным. Мне помогли два прибора: вольтметр и омметр, контрольные показания которых я затвердил как азбуку, а позже наловчился и без них определять предельно допустимые напряжения и силу тока аккумуляторов и контактов на верхних и нижних направляющих. Секретные «коробочки», или боевые машины для стрельбы реактивными снарядами, а точнее — для запуска ракет, несущих снаряды разных калибров — от 82 до 310 мм — и на различные расстояния, были просты по устройству. В этом же цехе позже ремонтировались и боевые машины по прозвищу «катюши», или «гвардии «катюши».

К осени 1942 года один из командиров дивизиона вновь формируемого полка «катюш» сманил меня к себе, в 456-й Отдельный гвардейский миномётный дивизион, на офицерскую должность электротехника батареи. М.Б. Цекин поворчал на меня, но не стал насильно удерживать своим помощником на заводе. Я посулил ему найти и подготовить себе замену из числа заводских рабочих, как и я, по ранению списанных из числа боевых артиллеристов. С Сергеем Кузьминым, коренным ленинградцем с Васильевского острова, я сошёлся с первого дня службы на заводе. Сближению помогло и то, что там, на 8-й линии,

до 1918 года жили мои родители, а он жил на 9-й линии. Сергей был помоложе меня на год, окончил среднюю школу отличником и уже поступил в Технологический институт, но в начале октября 1941 года был призван в армию. После месячной подготовки в учебной артиллерийской бригаде наводчиком пушки оказался под Колпино. В декабре был ранен в предплечье осколком, и правая рука утратила подвижность. Но левой он так хорошо всё делал, что на заводе получил прозвище «Левша».

М.Б. Цекин знал «Левшу» и сразу же одобрил моё предложение. Мы трогательно простились в его каморке. Военпред впервые раздобыл где-то немного чистого спирта, и мы выпили граммов по 20 под хруст чёрного сухарика — в честь моего отъезда в действующую часть. А она была недалеко от завода, рукой подать: условное селение «Пундолово», что северо-восточнее завода. Здесь шла серьёзная боевая подготовка 67-й армии к прорыву блокады. 456-й Отдельный гвардейский миномётный дивизион — маленький винтик в громадном войсковом механизме, приведённом в действие в конце 1942 года для развёртывания наступательной операции «Искра». Она планировалась на начало января 1943 года.

Так началась моя служба в реактивной артиллерии. Но незабываемой для меня осталась работа на заводе имени К. Маркса, до войны производившем ткацкие станки и другое оборудование для текстильных фабрик, а с первых недель войны работавшем на оборону осаждённого города. В памяти сохраняются лица работников и рабочих, чей труд неопределим в условиях голода, холода, обстрелов и бомбёжек. Многие из них и жили в цехах завода: в них было хоть какое-то тепло, свет и даже вода, чего не было в квартирах ленинградцев зимой 1941–1942 годов, да и много позже...

...Мирное время. Моё знакомство со школьниками Санкт-Петербургской школы № 627, создавшими «Комнату боевой славы», случилось в 2003 году, в самый канун праздника Дня Победы. До этого председатель Совета ветеранов 320-го Гвардей-

ского Краснознамённого Красносельского ракетно-артиллерийского полка гвардии подполковник Алексей Васильевич Звягин уведомил меня, что эта школа находится в районе расположения нашей части в годы обороны Ленинграда и что учащиеся собирают сведения о боевом пути нашего полка, о гвардейцах и их судьбах после Великой Отечественной войны. «Если есть у тебя, — писал Звягин, — фотографии, письма, книги, то подари школе».

Среди моих фотографий 1941–1944 годов нашлось несколько снимков гвардейцев, офицеров и рядовых, моего дивизиона. Не без колебаний решил подарить ребятам и книгу «Гвардии «Катюша» с дарственной надписью командира полка Николая Дмитриевича Силина. В ней среди описаний боевых действий полков Ленинградского фронта рассказывается и о боевом пути 320-го полка, которым командовал сам Н.Д. Силин.

С этими «дарами» я и прибыл накануне праздничного дня в питерскую школу. Ирина Николаевна Андреева, учитель истории, первой радостно приветствовала меня и рассказала, что вместе со старшеклассниками они открыли в школе «Комнату боевой славы». За чашкой горячего чая я узнал кое-что из истории создания этого музея и о работе ученической поисковой группы. Мы договорились о встрече с учащимися и учителями утром 9 мая у дота (долговременной огневой точки).

Раннее утро 9 мая 2003 года выдалось совсем непитерское: солнечное, безоблачное, тёплое. До встречи с ребятами я решил побывать на Пулковском кладбище, навестить могилы моих боевых товарищей, погибших в боях за великий город. Кладбище стало символом бывших здесь многочисленных

В «Комнате боевой славы». В центре — организатор музея И.Н. Андреева и П.А. Лебедев

захоронений воинов-защитников Пулковских высот. К моему огорчению, этих могил я не нашёл. Пулковское кладбище стало заметно меньше. Оно обихожено, отдаёт мемориальной холодностью и порядком.

С трудом поднялся на вершину — годы дают о себе знать. Ещё заметны вмятины от бомб и снарядов, ещё держатся браво израненные могучие дубы, а ведь некоторые из них — со сквозными пробоинами... Но вот берут ли за душу эти вмятины на земле и пробоины в стволах деревьев многих из тех, кто суетится возле иномарок у автозаправочной станции, отвоевавшей часть воинского кладбища на северной стороне Пулковской высоты?

Ветеран П.А. Лебедев у Дома Советов в мае 2003 г. Здесь, во дворах и подвалах Ленсовета, с марта 1943 г. по январь 1944 г. размещались знаменитые «катюши» и жили гвардейцы-«огневики».

...У когда-то мощного железобетонного дота возле Дома Советов, свежескрашенного светлой краской и празднично увитого гвардейской лентой поверх амбразуры, выведены красным цифры: 1941–1945. Сюда и собрались школьники и учителя, а также ветераны 320-го полка «катюш». Ветеранов пришло немного — всего четверо, а когда-то здесь собирались многие десятки однополчан: из Ленинграда, Москвы, Перми, Тбилиси, Киева и других городов Советского Союза...

Почему именно Дом Советов с его тремя дотами стал местом встреч гвардей-

цев? Доты были возведены ленинградцами в конце лета 1941 года. Между прочим, как и баррикады на Московском проспекте. Враг ломился в ворота города. Шли тяжёлые бои в пригородах Ленинграда.

К счастью, враг был остановлен у Пулковских высот в сентябре 1941 года. И доты возле огромного серого здания Ленсовета, только что, перед Великой Отечественной войной, построенного для городской администрации, оказались в резерве обороны города. Этот дом в виде вытянутого с севера на юг прямоугольника фасадом обращён на запад. Доты были сооружены у юго-западной, северо-западной и юго-восточной сторон Ленсовета. Вскоре после войны один из дотов был разобран. Другой пока ещё цел, хотя и заброшен. И лишь один — на северо-западной стороне — превращён в своеобразный памятник обороны Ленинграда.

Для гвардейцев 320-го полка Дом Советов памятен ещё и тем, что его подвалы и внутренняя часть обширного прямоугольника здания с конца марта 1943 и по середину января 1944 года стали прибежищем для бойцов и техники. Сюда два дивизиона переместились из Красного Бора, что под Колпином, а до этого, в начале января 1943 года, полк своими огневыми залпами поддерживал стрелковые дивизии Краснова и Симоняка в боях по прорыву блокады в районе Шлиссельбург — Синявинские высоты.

В Доме Советов полк пополнился солдатами и техникой. Отсюда его боевые машины выезжали под Шушары, Пулково, Автово, Кировский завод, проспект Стачек — для внезапных мощных ударов по вражеской атаке, танковой или пехотной, либо той и другой вместе, для поддержки наших стрелковых батальонов, ведущих бои «местного значения» или разведку боем. Это были так называемые кочующие огни — так именовались залпы одной-двух или даже четырёх «катюш». Они, как правило, были внезапными для противника. А сами боевые машины тотчас покидали место боя и возвращались на свою базу в Дом Советов.

В начале января 1944 года на северной окраине Пулковы были оборудованы долговременные боевые позиции для «катуш», и, помню, в ночь на 15 января 1944 года полк покинул Дом Советов и занял там боевой порядок. А утром началось самое мощное наступление Ленинградского фронта... 27 января 1944 года великий город салютвал своим воинам-освободителям от 900-дневной блокады. Ленинград полностью и со всех сторон был воссоединён с Большой землёй...

Но вернёмся к праздничному утру 2003 года. Кто же пришёл к доту на очередную встречу 9 мая? Самая многочисленная ватажка — это школьники из группы «Поиск» вместе со своими учителями. Назову и всех четверых бывших гвардейцев (троим из них сейчас за 80, а одному — 79 лет). Этот «самый молодой» — Леонид Григорьевич Иванов — бывший разведчик-радист, затем Мария Павловна Багрова — бывшая телефонистка штаба полка, Иван Ефимович Капустин — бывший старший военфельдшер полка и Пётр Александрович Лебедев — бывший электротехник батареи (единственный москвич, остальные — ленинградцы). Сам председатель Совета ветеранов А.В. Звягин только что вернулся из госпиталя после лечения и не смог прибыть на эту встречу, но прислал тёплое приветствие всем собравшимся у Дома Советов. Школьники одарили каждого из нас крас-

Поисковая группа

ными гвоздиками, поздравили с Днём Победы. Потом, уже в школе за праздничным столом, устроенным учителями, продолжились добрые пожелания. Наконец в одном из классов школьники и учителя захотели услышать от гостей-ветеранов рассказы о событиях фронтовой жизни, о себе и, конечно, о легендарных «катушах».

Меня поразило, с какой дотошностью расспрашивали нас школьники о боевых машинах, об их устройстве, о системе самоуничтожения и многом другом. Л.Г. Иванов живо поведал ребятам об одном драматичном эпизоде боя, когда рация почему-то не заработала, а надо было срочно передать на батарею сведения о противнике, атакующем танками окопы передней полосы обороны. И.Е. Капустин вспомнил о том, как трудно ему было под огнём немецких штурмовиков выносить из укрытий тяжело раненых бойцов. Долго длились расспросы и рассказы...

Один из самых рослых учеников, Михаил Павлов, следопыт, руками которого добыты многие боевые «трофеи» для школы, от лица всех искренне поблагодарил нас. А потом в своём сочинении «О встрече с ветеранами» он написал: «Эта встреча останется в моей памяти на всю жизнь». Иван Модестов, также следопыт-экскурсовод по музею, участник походов с 6-го класса, поделился со мной своими помыслами о выбо-

Выпускник прошлого года школы № 627, следопыт и эксперт музея Михаил Павлов

ре карьеры, хотя и чистосердечно признался, что «тянет туда и сюда, а куда точно — не знаю ещё...». Это было сказано по дороге от дота в школу, до которой рукой подать.

Доты давно уже будоражили воображение учащихся школы, однако решение создать что-то вроде музея военных лет пришло не сразу. Да и название собранным вещам, оружию, каскам и другим предметам войскового обихода пришло не вдруг. От «музея» отказались: уж слишком громко звучит. Остановились на скромном

ницкого. А задолго до этого классического исполнения на фронте солдаты распевали свою «Катюшу»:

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой:
Это наша русская «Катюша»
Немчуре поёт за упокой...
...Все мы любим девушку Катюшу,
Любо слышать, как она поёт,
Из врагов вытряхивает душу,
А друзьям отвагу придаёт.

9 мая 2003 г.: школьный музей принимает ветеранов — защитников Ленинграда. Слева направо: П.А. Лебедев, И.Е. Капустин, Л.Г. Иванов, М.П. Багрова

названию — «Комната боевой славы». Через Совет ветеранов гвардейских миномётных частей удалось узнать о 320-й Гвардейском миномётном полке, в обиходе фронтовиков именовавшемся просто — полк «Катюш». Это про них поэт М.В. Исаковский и композитор В. Захаров сложили фронтовую «Катюшу»:

И на море, и на суше
По дорогам фронтовым
Ходит русская «Катюша»,
Ходит шагом боевым...

Песня про «Катюшу» прозвучала в январе 1944-го по радио в исполнении знаменитого Народного хора имени Пят-

Победа под Ленинградом, снятие блокады — одна из славных страниц недавней истории нашего Отечества. Отношение к этому важнейшему событию Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. персонафицируется встречами школьников с участниками этой войны. Рассказы ветеранов осердечивают книжные знания школьников, в частности, о том, кто и как защищал второй по величине и значению город нашей страны. Не будем забывать и о том, что не только советские люди радовались победе над врагом. Тогда весь мир торжествовал, а порабощённые гитлеровцами народы Европы почувствовали, что фашисты, как об этом писала в конце января 1944 года английская газета «Стар», — «лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло». Президент США Франклин Рузвельт от имени американского народа обратился с особым Посланием к Ленинграду, а в приложенной к нему Грамоте значилось: «в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа, успешно защищали свой любимый город... и символизировали этим неустрашимый дух народов СССР и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии»...

В этом году я получил сразу два письма. Одно — от Президента РФ В.В. Путина с поздравлением по случаю 60-летия снятия блокады Ленинграда. На адресной стороне большого конверта слева на фоне памятника защитникам Ленинграда — избоб-

ражение медали «За оборону Ленинграда», а под этим: «1944–2004. Слава ветеранам-блокадникам и воинам-защитникам!» Другое было от школьников петербургской школы № 627 — тоже с поздравлением. К нему было добавлено: «Приезжайте, если сможете. Будем очень, очень рады». И я поехал, хотя понимал, что в эти юбилейные январские дни в городе на Неве нелегко найти место в гостинице. Правда, из года в год меня в подобных случаях выручал А.В. Звягин, бронировавший от имени Совета ветеранов Ленфронта номер в гостинице «Энергетик». И хотя Алексей Васильевич не дожид до этого юбилея, администратор гостиницы, помнившая меня по прежним побывкам, с готовностью нашла для меня отличный номер. Тотчас я созвонился с И.Н. Андреевой и сообщил ей, что привёз архивные выписки из боевых донесений моего полка, которые специально сделал в Архиве МО РФ г. Подольска. На следующий день в «Комнате боевой славы» состоялось почти торжественное вручение архивных выписок главному хранителю всех экспонатов, а их накопилось уже немало. Стены, полки, особые подставки всё больше заполняются предметами военного времени, а также схемами, фотоснимками.

Здесь учащиеся черпают иногда темы для классных и домашних сочинений по литературе и истории. Я поинтересовался: какие темы наиболее интересуют ребят? Охотнее всего героями сочинений избираются отличившиеся в боях солдаты и офицеры. Среди материалов есть и очень обстоятельные автобиографии, например, Леонид Григорьевич Иванов и Иван Ефимович Капустин передали свои воспоминания о блокаде, службе в полку и послевоенных годах жизни.

Некоторые из старших поисковиков под руководством неутомимой И.Н. Андреевой уже побывали вместе со взрослыми

в дальних экспедициях в Смоленской области, разыскивая погибших там ленинградцев. Ребята настолько увлечены работой в поисковом отряде, что подчас не расстаются с ней и после окончания школы — в качестве почётных методистов, а в летние каникулы участвуют в дальних поездках.

Подростковая и юношеская романтика следопытов питается военно-патриотическими чувствами и реальными поисками. Они заполняют досуг юношества полезными занятиями, развивают много-

сторонне, укрепляют тело и дух. В военно-патриотических занятиях укореняются такие гражданские качества, как солидарность, действенная взаимовыручка, дружба и товарищество.

Школьники-поисковики более серьёзно, вдумчиво изучают не только историю, но и другие учебные предметы — географию, физику, химию. Для них книжные знания обретают более весомый смысл, а взгляды на жизнь становятся более строгими и определёнными. **НО**